

В последние годы на русском языке появилось большое количество книг, посвященных общим проблемам семиотики. Среди авторов можно назвать В.Н. Агеева [2002], А.Н. Барулина [2002], Г.Г. Почепцова [2001; 2002], Л.Л. Федорову [2004]¹. Следует также отметить и перевод на русский язык известной книги У. Эко [1998].

Как правило, в книгах о семиотике либо подробно перечисляются взгляды различных авторов (часто никак не связанные между собой и даже противоречащие друг другу, см., например [Агеев 2002] или [Почепцов 2002]), либо строится собственная, оригинальная концепция этой области ([Барулин 2002] или [Эко 1998]), связи которой с семиотической традицией не всегда ясны. Книга Нины Борисовны Мечковской представляет собой редкий пример равновесия между изложением авторской и чужих точек зрения. Точнее говоря, авторский взгляд во многом и выполняет роль, связующую чужие позиции. Именно поэтому книгу Н.Б. Мечковской можно рассматривать и как учебник, и как своего рода путеводитель по науке, и как монографию.

Книга состоит из пяти частей и заключения, и авторская составляющая постепенно возрастает. Первые три части являются в большей степени обзорными. Следует также отметить, что деление книги на части накладывается на деление книги на лекции, что кажется несколько непривычным, а иногда даже не вполне понятным. Так, например, лекция XIII оказывается распределенной между четвертой и пятой частью (в пятую часть попадает последний ее параграф). Трудно оценить, в чем состоял авторский замысел, для меня же такое двумерное членение текста так и осталось загадкой, скорее, усложняющей, чем облегчающей чтение.

Часть первая называется “Основные понятия и история семиотики”, что вполне отражает ее содержание. Здесь надо сразу сказать, что автор придает большое значение определению границ науки, критикуя включение в семиотику всего культурно-гуманитарного контекста, в котором проявлялся интерес к знаковым системам. Свой подход, подразумевающий достаточно четкие критерии “семиотического взгляда”, Н.Б. Мечковская противопоставляет

“семиотике без границ”. В связи с этим также важно понимание семиотики именно как самостоятельной науки, имеющей заданные границы, а не аморфной надстройки над гуманитарными дисциплинами. Для Н.Б. Мечковской важна встроенность исследователя в семиотическую парадигму, что означает следующее. Во-первых, наличие семиотического самосознания, во-вторых, использование семиотических категорий и терминов и, в-третьих, сопоставление знаковых систем как метод исследования (с. 36–37).

Хотя в первой части автор только вводит читателя в основную семиотическую проблематику, сразу становится понятно, что чтение книги не будет простым. Это, безусловно, существенно, поскольку о началах семиотики в принципе можно говорить и просто, если в качестве образца брать так называемые простые и компактные знаковые системы. Однако Н.Б. Мечковская совершенно сознательно не стремится к упрощению ни материала, ни изложения, а напротив, пытается охватить (в том числе, и с помощью определений) все основные проблемы семиотики и все терминологические нюансы. Иногда это приводит к чрезмерной абстрактности дефиниций. Так, едва ли удачно ключевое определение информации: “всё, что люди сообщают друг другу (намеренно или произвольно, “машинально”) или машинам, – это информация”. Фактически, термин “информация” определяется через глагол “сообщать”, но можно ли определить последний без обращения к понятию информации, остается неясным².

В целом же первая часть дает четкое и достаточно широкое представление о семиотике, прежде всего, о ее основных проблемах и теоретическом аппарате (лекция 1), а также об истории и ученых, внесших наиболее значительный вклад в ее развитие (лекция 2).

Во второй (“Классы знаковых систем”) и третьей (“Классы элементарных знаков, различных по типу мотивированности и степени конвенциональности”) частях рассматриваются соответствующие классификации. Здесь необходимо сделать еще одно замечание. Как

² В четвертой части используется еще одна дефиниция: “Информация – это все, что может быть передано средствами любой семиотики” (с. 197). Такое определение также не проясняет ситуацию, поскольку в этом случае информация оказывается вторичной по отношению к знаковой системе.

¹ В этом ряду надо отметить и более частные работы – по невербальной семиотике: М.Л. Бутовской [2004] и Г.Е. Крейдлина [2002].

уже сказано выше, способ изложения “от простого к сложному” не слишком характерен для данной книги. Часто при изложении семиотических основ сначала определяют понятие знака и лишь затем переходят к знаковым системам. Н.Б. Мечковская фактически рассматривает эти понятия параллельно, что в частности сказывается и на порядке глав. Сначала речь идет о классификациях знаковых систем и лишь потом о классификациях знаков.

Во второй части в центре внимания оказываются две проблемы. Во-первых, обсуждается физическая природа плана выражения, и в действительности рассматриваются классы, скорее, знаков, чем семиотик: оптические, слуховые, тактильные, а также связанные с обонянием и вкусом. Во-вторых, автор рассматривает генезис и онтогенез знаковых систем и, с этих точек зрения, противопоставляет природные и культурные, естественные и искусственные семиотики.

Третья часть в основном посвящена рассмотрению фундаментальной классификации знаков, предложенной еще Ч. Пирсом. Речь идет о разбиении знаков на три класса в зависимости от типа мотивированности: индексальные, иконические и символические знаки. Эти классы рассматриваются чрезвычайно подробно с привлечением разнообразного и всегда интересного материала. Так, в разделе об иконических знаках особое внимание, естественно, уделяется звуко-символизму. Начиная с диалога Платона “Кратил”, автор переходит к ярким примерам из русской поэзии и, в частности, посвящает отдельный раздел зауми и “самовитому слову” русских футуристов. Далее обсуждается проблема конвенциональности и преимущества конвенциональных знаков. В заключение в третьей части рассматриваются сложные и производные знаки, при этом особое внимание уделяется тропам, аллегориям, а также знакам-конструкциям: формулам, сюжету, композиции.

Содержание четвертой части вытекает из ее названия – “Содержание и структура знаковых систем. Семиотические возможности естественных языков”. Четвертая часть является, пожалуй, наиболее сложной для чтения в силу максимальной абстрактности излагаемых понятий и классификаций. Именно поэтому кажется очевидной удачей насыщение этой главы большим количеством иллюстративного материала. Можно отметить, в частности, интересный разбор образа “фаталиста” (поруника Вулича). Н.Б. Мечковская описывает четыре аспекта плана содержания: денотативный аспект, парадигматику, синтагматику и прагматику. Например, парадигматически Вулич рассматривается как двойник Печорина, а син-

тагматически в развитии фабулы также связан с ним.

В четвертой части также подробно разбираются возможные функции семиотик, их состав и иерархия. Интерес представляет обсуждение консолидирующей функции, отсутствующей у Р. Якобсона. Особое внимание уделяется этноконсолидирующему символизму языка, этой теме посвящен отдельный параграф.

Наконец, в четвертой части исследуются типы строения знаковых систем. В частности, именно здесь говорится об изолированных знаках, противопоставленных знакам, которые существуют в рамках системы. Также вводятся понятия простых и сложных, одноуровневых и многоуровневых семиотик. Н.Б. Мечковская останавливается на количестве уровней в семиотической системе языка и обсуждает семиотики, превосходящие язык по сложности организации и богатству содержания. Речь, в частности, идет о религии, литературе и различных видах искусства.

Эти сложные в различных отношениях семиотики и стали предметом рассмотрения в заключительной пятой части – “Знаковые системы культуры”. Именно эту часть следует признать в наибольшей степени авторской как по выдвигаемым в ней идеям, так и по предлагаемому материалу. В состав пятой части входят шесть лекций (с четырнадцатой по девятнадцатую), посвященные иногда отдельным знаковым системам, иногда целым группам семиотик. В четырнадцатой лекции описываются ритуально-религиозные семиотические системы. Следует отметить раздел 109, в котором Н.Б. Мечковская рассматривает поведение как повседневную реализацию социокультурных кодов. Такое внимание к обыденному поведению в рамках семиотики, безусловно, заслуженно, а системный взгляд на “поведенческие тексты” должен стать основой для новых и более глубоких исследований в этом направлении.

Пятнадцатая лекция полностью посвящена художественным семиотикам движения человека, а именно – танцу, пантомиме и цирку. Интересно, что в этой же группе рассматривается и театр. Само это сближение несколько спорно, поскольку очевидно, что театральное искусство не сводится к семиотике движения.

Чрезвычайно любопытны рассуждения о пантомиме и цирку, в частности, замечания о семиотической парадоксальности цирка и поиск его плана содержания. В результате Н.Б. Мечковская определяет план содержания цирка как “возможности человека”: «Каждый цирковой номер – это гипербола, которая на какой-то миг заставляет зрителя поверить, что “человек может все”» (с. 313).

Темой шестнадцатой лекции стала музыка, по мнению автора, самая загадочная и парадоксальная из семиотик. Примечательно, что, как и в случае цирка, парадоксальности знаковой системы уделяется особое внимание. Этому посвящены сразу несколько параграфов. Структура этой знаковой системы также описывается весьма подробно. Речь в том числе идет о музыкальной интонации как аналоге слова и господстве синтаксиса.

В семнадцатой лекции Н.Б. Мечковская анализирует семиотики художественного изображения. Среди них следует назвать скульптуру, графику, живопись, архитектуру, фотографию и кино. Впрочем, они рассматриваются несколько бегло. Чуть подробнее автор задерживается на семиотике парка и сада. Здесь, по видимому, сказываются определенные вкусовые пристрастия автора.

В рамках “Семиотик искусного слова” (это уже восемнадцатая лекция) Н.Б. Мечковская объединяет поэзию и прозу, эпос, лирику и драму. Наиболее интересен раздел, посвященный фольклору. Семиотика фольклора исследуется в динамике его развития. Так, обсуждаются переходы от мифологического эпоса к народным сказаниям о героях, от священного знания к бабушкиным сказкам и т.д. Очень живо подан материал, связанный с малыми жанрами, прежде всего, речь идет о загадках, а также о заговорах, считалках, тостах и т.д. Завершается лекция обращением к проблеме уровня строения художественной литературы.

Наконец, в девятнадцатой лекции рассматриваются специализированные искусственные семиотики, вес которых особенно увеличился в наше время. Интересен обзор систем международного смыслового письма (пазиграфии), но основное внимание уделяется различным информационным языкам и языкам программирования.

Заключение в этой книге не является простой формальностью. В нем описываются тенденции в развитии знаковых систем и перспективы науки в целом. Необходимо сказать, что и заключение, и вся книга, безусловно, содержат много идей, провоцирующих научную дискуссию. И хотя этот труд, как сказано выше, можно рассматривать как путеводитель по науке, его значение глубже. Можно сказать, что “Семиотика” Н.Б. Мечковской, как и многие ее другие книги, раздвигает горизонты науки, предлагает новый взгляд и новые представления о ее границах и внутренних связях. Дискуссия же в таком случае оказывается неизбежным атрибутом новизны и расширения нашего видения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеев 2002 – *В.Н. Агеев*. Семиотика. М., 2002.
- Барулин 2002 – *А.Н. Барулин*. Основания семиотики. Знаки, знаковые системы, коммуникация. Ч. 1. М., 2002.
- Бутовская 2004 – *М.Л. Бутовская*. Язык тела: Природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). М., 2004.
- Крейдлин 2002 – *Г.Е. Крейдлин*. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М., 2002.
- Почепцов 2001 – *Г.Г. Почепцов*. Русская семиотика: идеи и методы, персоналия, история. М., Киев, 2001.
- Почепцов 2002 – *Г.Г. Почепцов*. Семиотика. М., Киев, 2002.
- Федорова 2004 – *Л.Л. Федорова*. Семиотика. М., 2004.
- Эко 1998 – *У. Эко*. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб, 1998.

М.А. Кронгауз